

Памяти Е. Н. Мироновой (Златиной)

Я понял это поздно и не вдруг,
а лишь когда в доме закрылись ставни:
благодаря Елене Николавне
был Омск чуть-чуть похож на Петербург.

Скажу иначе: ей благодаря –
на лике Омска проступали блики
эпох и лиц, прекрасных и великих...
И ощущали мы, что мы – не зря.

И город не казался – как изъян
на карте мира, звёздами богатой.
Вплывали в Омск воздушные фрегаты,
и нам махал рукою Капитан,

и сразу в Вечность день переходил,
и пред душою был открыт шлагбаум
в Михайловское, в Ораниенбаум...
И Пушкин не хрестоматийным был.

Неправда то, что «горе – не беда».
Беда! Беда, которая не канет.
К исходу век. Куда ж вы, могикине?..
Посмертный сборник... Тот, что навсегда.

Душа, запечатлев себя в стихах,
уходит из партера на галёрку.
И на душе – томительно и горько.
Как привкус «Беломора» на губах.

Но знаю – если вдруг замкнётся круг,
себя спасу я мыслью стародавней:
благодаря Елене Николавне
был Омск чуть-чуть похож на Петербург.

И брошу взор в кошмар грядущих дней,
построю планы, обозначу сроки...
А в сердце бьются злотинские строки:
«Но что мне делать с памятью моей?..»